

Д О В Е Р И Е

Недавно мне довелось побывать во многих городах ГДР, где театральные афиши привлекали внимание обилием информации. Из них можно узнать не только репертуар театра, но и премьеры нового сезона. А если вы хотите заблаговременно получить абонемент, из этих же афиш вы узнаете, как это можно сделать. Кстати, некоторые театры ГДР выпускают специально для пенсионеров недорогие абонементы на предпремьерные дневные представления. Это увеличивает количество генеральных репетиций, снимает излишнее напряжение во время самой премьеры, расширяет число зрителей.

С одной стороны, попасть в театр трудно. С другой — трудности эти возникают не сами по себе, а в результате хорошо продуманной системы, призванной вызвать в потенциальных зрителях априорное чувство уважения к театру. Правда, никто этим чувством не злоупотребляет и, если спектакль не удался, его не станут навязывать в придачу к другим, пользующимся успехом. В таких случаях руководство театра предпочитает иметь в репертуаре не восемь, а семь названий... Я спросил у моих коллег: почему никто из зрителей не пытается купить «лишний билетик» на подступах к театру, а все терпеливо стоит в общей очереди к кассе? И на их ответах понял, что это опять-таки не случайно. Театр — храм. А в храме не принято суетиться. Тот, кому билет нужен больше других, пораньше займет очередь. Если у кого-то вдруг окажется лишний билет, он уступит его тоже тому, кто стоит у кассы первым.

Все берлинские театры имеют собственные помещения. У некоторых существует по две сцены, а в Немецком театре сравнительно недавно появилась еще и третья. Иное положение в провинции. Не желая отказываться от возможности видеть спектакли разных жанров — от высокой трагедии до изящной оперетты, — во многих городах ГДР под одной крышей помещают два-три коллектива.

Что же играют драматические театры? Прежде всего отечественную классику: Ге-

те, Гейне, Шиллер, Клейст. Это не дань моде, так было и десять лет назад. Разумеется, здесь идут и пьесы Шекспира, Гоцци, Гольдони, Мольера, Гоголя. Особенно широко представлен М. Горький.

В Берлине я попал на премьеру спектакля «Дети солнца» в Немецком театре. Постановка Вольфганга Хайнца намеренно традиционна. Это сказалось и в программе спектакля, отсылающей нас к первым сценическим опытам прочтения пьесы в России и в Германии. В многочисленных цитатах, которые здесь же приводятся, чтобы обратить наше внимание на главные мысли автора. В решениях художника Эберхарда Кайнбурга, скрупулезно воссоздавшего быт горьковских героев. И даже в лучших актерских работах — Труд Бехман (Антоновна) и Гудрун Риттер (Меланья). Отчего же тогда в зале воцаряется такая тишина, будто на сцене решаются жизненно важные для современных зрителей проблемы? Впрочем, почему будто? Если бы это было не так, разве собрался бы полный зал? При этом никто не пытается установить нарочитых связей со злобой дня. Время и место действия не берутся под сомнение.

Думаю, причину надо искать не только в спектакле, но и в зрителях, которые заинтересовались именно этой работой театра. Они отличались в массе своей и по возрасту, и по темпераменту от тех, кого я видел в этом же зале в другие вечера. У меня сложилось впечатление, что благодаря великолепно организованной театральной пропаганде зрители заранее четко представляют, о чем сегодня пойдет речь. Театр не жалеет ни сил, ни средств, чтобы регулярно знакомить их со своим репертуаром. Выпускает не только афиши, но иллюстрированные буклеты. Каждый зритель может бесплатно получить этот сувенир, чтобы на досуге прочесть его более внимательно; возможно, после этого захочется прийти в театр снова.

Театр справедливо полагает, что универсальных зрителей не бывает. И предпочитает, чтобы каждый мог выбрать себе представление по вкусу. Такой способ взаимо-

отношений со зрителями кажется мне наиболее разумным. Здесь и меньше разочарований, и больше взаимного доверия и уважения.

Репертуарные привязанности, разумеется, не ограничиваются классикой, хотя она и занимает здесь заметное место. Пятьдесят два драматических театра ГДР широко ставят пьесы современных авторов, от Бертольта Брехта до Петера Хакса...

Советские пьесы идут в ГДР с большим успехом и давно: Маяковский, Погодин, Булгаков, Тендряков... Моя коллега Сузанна Вигер без труда назвала по памяти более двух десятков имен советских драматургов, уточняя названия театров, в которых были поставлены их пьесы.

Из множества произведений советской драматургии театр ГДР отбирает именно те, что способны ответить на самые животрепещущие проблемы современности. Таков основной принцип. Именно поэтому «Протокол одного заседания» А. Гельмана поставили шестнадцать театров. В двух уже идет, а еще в пяти репетируется «Ночь после выпуска» В. Тендрякова. Во многих городах можно увидеть «Провинциальные анекдоты», «Старшего сына», «Прошлым летом в Чулимске», «Прощание в июне» А. Вампилова, «Энергичных людей» и «Точку зрения» В. Шукшина. И всюду спектакли имеют большой успех.

Если верно, что в хорошем театре в каждом спектакле возможности труппы открываются заново, то Немецкий театр в Берлине в этом отношении может служить наглядным примером. Тому, кто видел здесь академические постановки пьес М. Горького «Дети солнца» и Г. Гиршфельда «Павлина», вряд ли могло прийти в голову, что режиссер Фридо Сольтер обрушит на зал такой безудержный каскад изящного озорства, убийственной иронии в своей интерпретации музыкального реву Георга Кайзера и Миши Шполянского «Два галстука». Театр издевается над голубой мечтой мещанина о сладкой жизни за океаном и одновременно над пошлостью и штампами современного искусства. И делает это зло, используя все средства выразительности: пластику, слово, кинема-

тограф, музыку. Актеры работают с азартом и удовольствием независимо от значимости роли: такая, как у Сони Циммерман, совсем без слов, или одна из главных — мадам Робинзон — у Лизы Махайнер, удивительной актрисы, напоминающей Марлен Дитрих в ее звездный час. На представлении «Два галстука» сцена и зал превращаются в теннисный корт, где встретились первоклассные спортсмены. Прежде чем перед занавесом в прологе появится чародей Диттер Манн, чтобы произнести свой полумимовизированный монолог, в зале воцаряется праздничная атмосфера. Она сохраняется и во время действия, достигнув апогея к финалу. Ее будут поддерживать и беречь по обе стороны рампы, потому что не только актеры знают, зачем они выходят на сцену, но и зрители не забывают, зачем они пришли сегодня в театр.

Драгоценное ощущение общности сцены и зала не покидает вас, когда смотрите в Театре им. Максима Горького легенду Петера Хакса «Розы мечтает» с талантливой Карини Грегорек в главной роли. Казалось бы, зачем современному автору понадобилось сводить в своей пьесе реально существовавших в разные столетия людей — римского императора Диоклетиана с немецкой монахиней Хрозвит, жившей много веков спустя? Сам Хакс своей пьесой отвечает на это примерно так: нам только кажется, что между Диоклетианом и Хрозвит пролегли века. Это не важно, что они жили в разное время. История повторяется и будет повторяться еще много-много раз. Ей всегда нужны будут люди, которые своим современникам представляют чужаками.

Театральная жизнь ГДР не исчерпывается спектаклями, о которых здесь шла речь. Эти заметки отнюдь не претендуют на обзор. В них предпринята попытка поделиться первыми впечатлениями о театральной жизни ГДР и ответить на вопрос: что объединяет театр и зрителя?

Б. ПОЮРОВСКИЙ.
БЕРЛИН — МОСКВА.

● Гостиница «Штадт Берлин» на Александерплац в центре столицы ГДР.